СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Смех и пол . . . 9

Безудержно веселые: четыре образа смеющихся женщин . . . 14
- С молоком матери? . . . 16
- Авраам и Сарра . . . 20
- Веселая мудрость Баубо . . . 24
- Непристойный смех . . . 29
- После Баубо . . . 31
- Все приклеились друг к другу . . . 36
- Мораль истории . . . 40
- Смех души . . . 41
- Счастливый смех . . . 44

Смех и благопристойность . . . 48
- Почему женщины смеются больше, чем мужчины? . . . 49
- История настроений . . . 52
- Дарованы на счастье? . . . 54
- Спор о женщинах . . . 57
- Воспитательная работа: учебники хорошего тона . . . 59

Прячьте зубы, чтобы их не было видно . . . 65
- Нежная улыбка . . . 65
- Улыбнитесь, пожалуйста . . . 67
- Смех и счастье . . . 70
- Меланхолический смех . . . 72
- Бунт образцовых девушек . . . 75
- Смех девочек-подростков . . . 78
- Смех влюбленных . . . 80
- Kichlismos . . . 82
- Смех и игры . . . 84

Либертинский смех . . . 93
- Фантазии мужчин . . . 93
- Против фаллоцентризма . . . 96
- Смех, прикрытый рукавом . . . 99
- Завеса стыдливости . . . 103

Смеяться или краснеть . . . 105
Сдерживать смех . . . 105
Замаскированный смех . . . 109
Смена ролей . . . 113
Оружие или перо . . . 115
Смех высшего общества и смех простонародья . . . 120
Женские пересуды . . . 121
Места, где звучал смех . . . 123
Веселые сплетницы . . . 124
Вечерние посиделки . . . 127
Смеха ради: карнавал . . . 131
Последствия смеха . . . 132
Смех на краю . . . 134
Коломбина, Туанетта, Николь, Дорина: амплуа насмешниц . . . 137
Бесстыдницы . . . 140
Непристойный смех . . . 143
От служанки к женщине из простонародья . . . 143
Политические памфлеты . . . 146
А что же сильные мира сего? . . . 148
Знаменитые проделки и шутки . . . 151
Кризис смеха? . . . 156
Веселье — общественная добродетель . . . 159
Остроумные женщины . . . 161
Насмешливый характер французов . . . 162
Итальянские корни . . . 163
Разговор «по-французски» . . . 166
Смех и табу . . . 168
Жизнерадостный дух салона мадам де Рамбуйе . . . 171
Жеманницы . . . 173
Смех или высмеивание . . . 176
Язвительные насмешницы: бесконечная война полов . . . 177
Нечто неуловимое . . . 179
«Здесь смеются надо всем подряд» . . . 181

Дружеский смех . . . 183
Дурная репутация . . . 187
«Как бы не так», или Ребяческий дух противоречия . . . 188
Шуточные общества . . . 189

Франция разучилась смеяться . . . 194
Осиное гнездо . . . 194
Смех — это социальный знак? . . . 202
Обуржуазивание . . . 204

Смех, запечатленный на бумаге . . . 208
Противостоящая сила иронии . . . 209
Кристина Пизанская. Дискредитация мужской власти . . . 213
Брак у позорного столба . . . 217
Непреодолимая тяга к зубоскальству . . . 220
Сатира Мари де Гурне . . . 222

Бурлеск и трагедия . . . 225
«К несчастью, я все время смеюсь» . . . 225
Каскад проделок . . . 229
Шаблонные истории любви . . . 231
Короткая женская проза: волшебные сказки . . . 232
Как одурачить аббатису . . . 235
Пародия . . . 237

Смех и чувства . . . 241
Смех, лишенный иллюзий . . . 241
Мелочи жизни при ближайшем рассмотрении . . . 245
Женский роман? . . . 249

Романтические мелодрамы . . . 251
Остаются ли они женщинами? . . . 252
Праздник по заказу . . . 253
От «гражданки» к «сударыне» . . . 256
Метаморфозы веселья . . . 257
Между весельем и ужасом . . . 260
Мужской взгляд на женский смех: обезьянья мимика . . . 262
«Постарайся хоть чуть-чуть посмеяться» . . . 264

Истерички и гризетки . . . 267
Два образа женского смеха: смех невинный и смех убийственный . . . 268
Нана, Лулу: дьявольский артистизм . . . 274
Женщина-клоун . . . 278
Кабаре . . . 282
Между больницей Сальпетриер и кафешантаном . . . 282
Страх и притягательность . . . 285
Шансонетки . . . 287
Мрачное веселье . . . 291
Ребяческий дух . . . 294
Вирджиния Вулф . . . 296
Колетт: здоровый смех . . . 301
Смех и насилие . . . 306
Преграда против ненависти . . . 307
Смех против насилия . . . 310
Натали Саррот: то, что хотелось бы скрыть . . . 311
Невинного смеха не бывает . . . 314
Маленькие бесполые демоны . . . 315
Смешные, красивые, уродливые, глупые или злые . . . 319
От настроения к юмору . . . 320
Абсурд жизни . . . 326
Потребление смеха . . . 330
Смех в комиксах . . . 335
Сатира и взаимопонимание с полуслова . . . 338
Над чем они смеются? . . . 342
Счастье снова настигло . . . 342
Самоирония . . . 345
Скверный жанр? Безвкусица? . . . 347
Истинная женщина? . . . 348
Гендерные игры, или Номера с переодеванием . . . 350
Победа феминизма или его закат? . . . 353
Примечания . . . 356
Указатель имен . . . 376

ВВЕДЕНИЕ. СМЕХ И ПОЛ

Природа отделила смех от красоты. Смех уродует, вызывая спазмы и судороги лица, сотрясает тело, лишает всякого достоинства, неприлично вырывается откуда-то из чрева. Греки называли его «встряхивателем». Начиная с самого Аристотеля и врачи эпохи Возрождения, и философы Просвещения, и Бергсон заявляют, что мы смеемся над «уродливым, безобразным и непристойным»[1], а согласно Гоббсу — «вдруг замечая собственное превосходство над другими».

Смех не соответствует образу скромной и стыдливой женщины. Правила поведения категоричны: если мужчина смеется, чтобы отдохнуть или разогнать меланхолию, то смеющаяся женщина всегда рискует сойти за нахалку, распутницу, безумную истеричку, теряет соблазнительность и получает ярлык парня в юбке. Хихиканье, хохот, завывания, падение в обморок, — язык смеха сексуализирован, уже из этих слов явствует, что это что-то неприличное. В течение многих веков за смеющимися женщинами следили, их смех допускали лишь в том случае, если они будут прятать лицо за веером.

Изучение женского смеха в историческом контексте таит в себе риски: например, есть опасность впадения в анахронизм. Смех принадлежит культуре повседневности; это вещь хрупкая, эфемерная; сегодня нам не кажется смешным то,

над чем смеялись вчера, порой мы не понимаем, что именно вызывало смех в прошлом. Тембр смеха, его громкость, длительность, частота не поддаются исследованию, если только талант рассказчика или рассказчицы не позволяет отметить все нюансы, отличить, вслед за Натали Саррот, «тяжелый, густой, раскатистый» горловой смех от «легкого, как будто слегка принужденного тремоло, резкого, ледяного, барабанящего, словно град»[2].

Связанный с эмоциями женский смех неожиданно проникает в самые серьезные тексты — тайный, нежный, тихий, порой смех сквозь слезы: «…комизм заключен именно в смеющемся, в зрителе»*, а не в том, над чем он смеется, отмечал Бодлер в 1857 году в критической статье «О сущности смеха», подчеркивая, что за смехом следует искать индивидуальность.

Для женщин, на протяжении столетий лишенных возможности учиться и высказываться — будь то в устной или письменной форме, — смех был территорией свободы, с его помощью, бросая острый взгляд на общество и самих себя, они заявляли о том, что у них все в порядке. Путь был долгим. Мы не утверждаем, что в прошлом женщины не смеялись, — речь о том, что моральный дискурс и нормы вежливости считали смех способным извратить женственность. «Нет ничего менее женственного, чем водевиль и фарс», — отмечала редактор и издательница Адриенна Монье, известная своими критическими высказываниями (Les Gazettes, 1925–1945). Смех по-прежнему способен ниспровергать устои, и общество по-прежнему не доверяет смешливым дамам.

Первое, что несомненно: до недавнего времени смешить могли только мужчины, это была их прерогатива. Для того чтобы изменить настрой собеседника, отвлечь его

* Пер. Л. Ефимова.

от серьезных мыслей и доводов рассудка, требуется властность, свободомыслие, порой даже некоторая деспотичность. Смех же, напротив, — это признак того, что человек сдается, вплоть до потери самообладания. Еще совсем недавно не было женщин — профессионалов в области смеха — ни клоунесс, ни карикатуристок, ни театральных актрис, которые своими гримасами и ужимками заставляли бы публику смеяться до слез: роли комических болтливых старух — мадам Пернель и графини д'Эскарбанья — исполнялись мужчинами. Простушка Коломбина всегда поддается соблазну, проворачивая свои интриги, а право грубовато шутить предоставляет Арлекину. Среди писательниц также не встретишь ярких представительниц комического жанра: вслед за Вирджинией Вулф нам остается лишь пожалеть о том, что ни у Рабле, ни у Шекспира не было последовательниц («Своя комната»).

Второе, что бросается в глаза: смех выполняет функцию выстраивания отношений в обществе и носит коммуникативный характер; грустные женщины «вызывают досаду», встреча с веселой доставляет удовольствие. Однако нельзя терять бдительность. Правила приличия, ужесточавшиеся с течением времени, призваны были сдерживать исконный мужской страх перед заливистым женским смехом, вырывающимся из глубин непонятного волнующего тела. Роли остаются неизменными. Инициатором разговора должен выступать мужчина, он может более или менее смело шутить; женщина же должна скромно слушать, скрывая смех под маской невозмутимости.

Пределом правил приличий, принятых в придворной и салонной жизни, становится игривая беседа. Если мужчина может нарушить приличия, то «дама» должна быть сдержанной; ей словно не полагается иметь тела — «телесного низа», по выражению Михаила Бахтина, изучавшего творчество Рабле и народную культуру; ей не следует ничего

об этом знать даже на уровне лексики, и ее ум должен быть столь же закрыт, как и тело. Чистое сердце и молчаливое тело — вот чего ждут от женщины.

Третье, о чем следует сказать, — сердцу претит комическое. «Маленькие мальчики и женщины никогда не должны смеяться; в смехе есть некая порочность», — писал Бернанос в «Господине Уине»: порочность, потеря невинности, безнравственное поведение туманят образ женской нежности и мягкости, выраженный в архетипической улыбке матери, склонившейся над ребенком. В центре эмоциональных и социальных связей лежит обязанность женщины выглядеть счастливой. Это предписание созвучно идее морального блага, согласно которой добродетель должна увенчаться радостью. И именно улыбке женщины — символу доброжелательности и сочувствия — выпадает на долю эта миссия.

Смех играет роль в эмансипации женщин, но существует ли женский юмор? Женщины допускались не ко всем эстетическим категориям, и, если верить их словам о себе самих, определенные сферы были им незнакомы, особенно комедии, бурлеск, карикатура, скатологический и богохульственный юмор, тогда как комизм в плане общения им более близок. Вирджиния Вулф начала интересоваться женским смехом, будучи совсем молодой, и в своих романах считала себя вправе перевернуть миропорядок, «придать важность тому, что мужчине кажется незначительным, и сделать заурядным то, что ему кажется важным».

Подобное извращение ценностей обладает комическим эффектом, причем серьезное перестает быть единственной истиной. Восхитительный портрет матери, скромной женщины, который рисует Вирджиния Вулф, иллюстрирует представление писательницы о женском сердце и уме: она полна жизненного трагизма, но всегда чутко улавливает смешные моменты, которые отмеряют ход времени. Ее мать, словно богиня судьбы, парка, «умела придать неповторимый

блеск спектаклю жизни, как будто роли в этом спектакле играли сумасшедшие, клоуны, великолепные королевы, как будто все они составляли процессию, двигающуюся навстречу смерти» («Моменты бытия»). Женский смех — смех сдержанный, внезапно взрывающийся при столкновении с несуразностью жизни.

Появление в последней четверти XX века женщин, профессионально занимающихся смехом, произвело революционный эффект. Они претендуют на все формы смеха и отказываются соблюдать табу, связанные с представлениями о женственности. Они выходят на публичную сцену и работают в областях смеха, традиционно считавшихся мужскими, — речь идет о театре, кино, кабаре, карикатурах, скетчах. Их новый критический взгляд — это реванш узниц патриархального уклада. Эти завоевания — еще и освобождение тела, и право на любые наслаждения. Ликующий или нелепый, злой или разоблачающий, смех сметает все на своем пути и иногда напоминает танцы на вулкане. Если, конечно, опошленный политкорректностью, он не теряет свою остроту.